

Криницын Александр Борисович, Шарапова Дарима Данзановна

"ИГРОК" ДОСТОЕВСКОГО И БУЛЬВАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА: О ТОЧКАХ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Статья посвящена анализу влияния жанра бульварной литературы на роман Ф. М. Достоевского "Игрок". Авторы затрагивают такие аспекты романа, как особенности сюжетного построения произведения, тематику и характеры некоторых из персонажей, являющиеся родственными для жанра бульварной литературы, и находят точки пересечения между романом "Игрок" и работами Эжена Сю и Поля де Кока. Любовные многоугольники, интриги, невероятные совпадения, оглушительные выигрыши и сокрушительные проигрыши - те элементы произведения, которые связывают сюжет романа "Игрок" с творчеством классиков бульварного жанра

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 25-29. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

LADISLAV MĚAČKO – “CZECHOSLOVAK SOLZHENITSYN”

Knyaz'kova Viktoriya Sergeevna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg University
v.kniazkova@mail.ru

The article draws the parallels between the meaning of creativity and activity by A. I. Solzhenitsyn and Slovak writer and publicist Ladislav Měačko. The paper also examines the issue of L. Měačko's contradictive national, social and professional self-identification, provides the opinions of the researchers of both writers' creative work and the statements of the authors themselves, including those representing their attitude to each other. Finally the researcher concludes on the similarity of the creative methods and destiny of the Russian and Slovak writer representing the historical processes of the XX century similar in both countries. The researcher specifies the different scale of these two persons, but emphasizes the great importance of L. Měačko's creative work in the literature and social life of Slovakia of the middle of the XX century.

Key words and phrases: Slovak literature; partisan struggle theme; national self-identification; stylistic and compositional peculiarities; publicistic; journalistic and publicistic tendency.

УДК 82.091

Статья посвящена анализу влияния жанра бульварной литературы на роман Ф. М. Достоевского «Игрок». Авторы затрагивают такие аспекты романа, как особенности сюжетного построения произведения, тематику и характеры некоторых из персонажей, являющиеся родственными для жанра бульварной литературы, и находят точки пересечения между романом «Игрок» и работами Эжена Сю и Поля де Кока. Любовные многоугольники, интриги, невероятные совпадения, оглушительные выигрыши и сокрушительные проигрыши – те элементы произведения, которые связывают сюжет романа «Игрок» с творчеством классиков бульварного жанра

Ключевые слова и фразы: бульварная литература; Ф. М. Достоевский; бульварный роман; компаративистика; сравнительно-историческое литературоведение; «Игрок».

Криницын Александр Борисович, к. филол. н.

Шарапова Дарима Данзановна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
derselbe@list.ru; darimasharapowa@gmail.com

«ИГРОК» ДОСТОЕВСКОГО И БУЛЬВАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА: О ТОЧКАХ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Роман «Игрок» был написан Ф. М. Достоевским в невероятно сжатые сроки, о чем свидетельствует его жена Анна Григорьевна в своих воспоминаниях [4, с. 122]. Всего на сочинение романа им было потрачено двадцать шесть дней. Чтобы выполнить обещанное, писатель вынужден был пойти по пути наименьшего сопротивления – заимствовать готовые жанровые шаблоны и сюжетные схемы, достигая художественного эффекта не за счет углубленного психологизма, а с помощью интенсификации сюжетной интриги. Избранное место действия – условный европейский Рулетенбург, город игроков, авантюристов и мошенников всех мастей – фактически предопределяло жанровые формы европейского бульварного романа.

Под бульварным романом мы понимаем роман-фельетон, то есть предназначенный на издание по частям в журнале, авантурный по сюжетному построению, причем, в отличие от исторического романа, разворачивающийся в современной автору эпохе и затрагивающий злободневную социальную проблематику. Родоначальником бульварного романа считался Эжен Сю с его «Парижскими тайнами» (1843 г.), а продолжателями традиции – ряд авторов, преимущественно французских, среди которых ярко выделялись Ксавье де Монтенпен, самым известным произведением которого является «Разносчица хлеба» (1887 г.), Поль де Кок, знакомый широкому кругу читателей как создатель «Вишенки» (1850 г.), Фредерик Сулье, автор «Мемуаров дьявола» (1838 г.). Отличительной чертой жанра являются неожиданные повороты сюжета, цепи роковых совпадений, алогичность поступков персонажей, обилие скандалов, драматизированных сцен, запутанных любовных и прочих интриг, обязательная детективная линия, связанная с поисками пропавшего богатства или родственника. Бульварный роман всенепременно должен быть захватывающим для читателей, чтобы они с нетерпением ждали следующего выпуска. Также для бульварного романа типично совмещение в системе персонажей разнородных слоев общества, что приводит к нестандартным, зачастую гротескно невозможным в обыденной жизни ситуациям: князя и сильные мира сего соседствуют с обедневшим дворянством, рабочими, ремесленниками и городскими маргиналами – ворами, проститутками и сутенерами, как это мы видим на страницах произведений Сю «Парижские тайны» (1843 г.) и «Агасфер» (1845 г.), причем намного больше положительных персонажей находится среди бедноты, нежели среди богатей.

Еще Б. А. Грифцов отмечал параллели романом Достоевского, помимо Бальзака, Гофмана и Диккенса, с «вульгарным европейским романом-фельетоном, построенном на принципе „вдруг“», «<...> с романом с загадкой (утаиваемые документы в “Подростке”, подслушанные разговоры в „Преступлении и Наказании”»,

внезапные встречи, внезапные наследства в „Идиоте”), с романом уголовным (хитрости следователя Порфирия; кто убийца в „Братьях Карамазовых”?) и т.д.). Сам вовсе не вульгарный, Достоевский охотно пользовался приемами, обычными у Евгения Сю и Понсон дю Террай и Анны Рэдклиф» [1, с. 126].

Сами образы в бульварном романе крайне упрощены. Традиционны такие ампула, как ловкий сыщик, молодой дворянин-повеса, честная работница-труженица, интриган-проходимец, благородная нищенка, корыстный ростовщик или делец и т.д. Особенно следует выделить непременно присутствующий тип развращенного светского аристократа: из его преступлений и интриг происходит все то зло, разрешению которого служит романная интрига. Эволюции или же резкой трансформации характеров героев, как правило, не бывает, герой должен быть понятен по своему ампула и экспозиции.

Здесь наблюдается, на первый взгляд, важное отличие Достоевского от романа-фельетона: характеры главных героев у него крайне усложнены и противоречивы (в «Игроке» ярчайшим свидетельством этому является характер Полины, дерзкой и нежной одновременно, маскирующей свою любовь к Алексею мучительством и злобной насмешливостью). Однако стоит вспомнить о приверженности бульварного романа к ярким контрастам на всех уровнях поэтики. Л. П. Гроссман отмечает «склонность французской литературы в сторону резких антитез»: «Упрощая и искажая некоторые уже носящиеся в воздухе идеи романтической школы, французский роман-фельетон задолго до Гюго развивает такие соединения крайностей, как прелесть безобразия, честность каторги или целомудрие проституции. Он даже проявляет в полной мере тот чисто романтический культ порока, греха и преступления, который лучше всего возбуждает в читателе интерес к рассказу» [2, с. 36]. Таким образом, эти качества, которые часто считаются художественным открытием Достоевского, также во многом унаследованы им от французского бульварного романа.

Уже сам объем «Игрока» весьма близок произведениям Поля де Кока – к примеру, романам «Молодая вдова» [10], «Горбун» [8] или «Женщины, игра и вино» [9]. Здесь же стоит отметить, что последний роман весьма близок тематике «Игрока», хотя, разумеется, тема азартных игр у Достоевского представлена намного более подробно и детально, нежели у Поля де Кока, где игра – лишь один из пороков молодого мужчины-аристократа, которому подвержен почти каждый человек круга и возраста главного героя. Кстати сказать, именно в «Игроке» Достоевский упоминает французского литератора: «Странно, для того чтобы хоть чем-нибудь заняться, я беру в здешней паршивой библиотеке для чтения романы Поль де Кока (в немецком переводе!), которых я почти терпеть не могу, но читаю их и – дивлюсь на себя: точно я боюсь серьезную книгу или каким-нибудь серьезным занятием разрушить обаяние только что минувшего» [5, с. 282].

«Игрок» – роман тайны и авантюры, в большей степени, чем какой-либо другой роман Достоевского. Как справедливо отмечает Р. Л. Джексон, «движение “Игрока” на уровне сюжета, темы, образов и психологии проводит читателя от сгустившейся тайны и запутанности (“много накопилось”) сквозь напряженность и ожидание к освобождению и разоблачению. Центр всеобщей озабоченности – накопление денег» [3, с. 170]. Уже когда Алексей утверждает, что он не приемлет западный идеал добропорядочной бюргерской жизни, сводящийся, в сущности, к неуклонному накоплению капитала: «я уж лучше хочу дебоширить по-русски или разживаться на рулетке. <...> Мне деньги нужны для меня самого, а я не считаю всего себя чем-то необходимым и придаточным к капиталу» [5, с. 226], – тем самым он декларирует жанровую установку на авантюренность будущего романного сюжета. Не будет преувеличением сказать, что «Игрок» является самым насыщенным событиями на единицу текста произведением Достоевского – несмотря на свой объем, роман изобилует скандалами, интригами и мелодраматическими сценами примирения, которые встречаются едва ли не на каждой странице, концентрируясь особенно плотно ближе к концу. Помимо скандалов, на которые роман исключительно богат (причем герои выясняют отношения друг с другом по самому малейшему поводу и вовсе без оного: ситуация, сложившаяся с бароном Вурмергельмом из-за каприза Полины, и последующее увольнение рассказчика красочно иллюстрирует наш тезис), с бульварным жанром «Игрока» роднит и ряд иных сюжетных черт: интриги, театральные мелодраматические сцены, любовные многоугольники (первый – с участием Полины, второй – с Бланш), странные и таинственные отношения между Полиной и Де-Грие, Полиной и мистером Астлеем, Де-Грие и Бланш, наконец, даже Бланш и ее матерью, которые разъясняются лишь к самому концу; кроме того – резкие и неожиданные повороты сюжета, которые во многом возможны благодаря алогичности поведения персонажей. Наконец, уже сама фамилия одного из персонажей, Де-Грие, прямо указывает на связь с романом «История кавалера де Грие и Манон Леско» аббата Прево, который, разумеется, не принадлежит к бульварному жанру хронологически, однако имеет немало точек соприкосновения с ним, являясь представителем авантюрного жанра, и указывает, в том числе, на некоторую водевильность [6, с. 245; 15, с. 161].

Стоит заметить, к слову, что алогичность поведения весьма характерна для героев бульварной литературы в целом: достаточно вспомнить резкие переходы персонажей из категории врагов в категорию самых лучших друзей, мотивированные довольно абсурдными доводами, которые не сочетаются с описанным характером лица, сменившего гнев на милость. Так Поножовщик становится другом Родольфа («Парижские тайны» Эжена Сю [13]) после того, как Родольф выигрывает его в схватке, случившейся в темном переулке, когда Поножовщик пристал к Лилии-Марии; так Волчица, закоренелая преступница со стажем, перевоспитывается лишь благодаря одному разговору с Лилией-Марией – и так же нелогично сбегает к Бланш Алексей Иванович, несмотря на то, что до этого момента он не обращал на нее ровно никакого внимания. Поведение же Полины временами нельзя назвать адекватным и поддающимся логике здорового человека; Достоевский это прекрасно понимает и использует традиционную для бульварного романа причину – болезнь нервов, от которой героиня и отправляется лечиться в Швейцарию с сестрой Астлея.

Любовные многоугольники романа заслуживают отдельного рассмотрения. Первый многоугольник можно обозначить как «Полина – Де-Грие – Астлей – Алексей Иванович», а второй – как «Бланш – генерал – Алексей Иванович – Де-Грие (?)». Отношения героев настолько запутаны, что треугольниками их назвать уже нельзя; до конца, например, неизвестно, в каких отношениях находились Де-Грие и Бланш, и является ли он ее родственником на самом деле – в конце концов, читатель имеет право в этом усомниться уже потому, что мать Бланш на самом деле ею не является, а настоящей фамилией героини оказывается Дю-Пласет. Главной чертой любовных линий в «Игроке» является их полная неопределенность и непредсказуемость. Прежде всего, непонятны чувства Полины как собирательного центра всеобщего притяжения. Безумно влюбленный в нее Алексей Иванович во время и после всего бурного романного действия так и не знает, любит ли она его. Равно как не знает он, каковы чувства Полины к Де-Грие и было ли что между ними. Особую водевильность ситуации придает тот факт, что эти многоугольники имеют одну общую точку – рассказчик активно участвует и в покорении сердца Полины, и уезжает в Париж с Бланш. Наконец, и отношения Полины и Алексея Ивановича заканчиваются весьма мелодраматично: даже спустя два года она любит его, но не может быть с избранником из-за нездоровой страсти к рулетке последнего, а мистер Астлей остается рядом с ней, не имеющий никакой надежды на взаимность, но преданно ее любящий. Отношения всех персонажей чрезвычайно запутанны, полны мелодраматизма, истерических сцен и, в итоге, глубоко трагичны: Бланш женит на себе генерала из-за денег, изрядно его перед тем помучив и заставив ехать за собой в Париж, а Полина, Астлей и рассказчик остаются несчастны, не в силах соединить судьбу с любимым человеком. Крайне характерна для бульварного романа сама специфика изображения любовных отношений: герои испытывают к своей пассии стихийную, всепоглощающую страсть (Алексей и Астлей к Полине, генерал к Бланш), которая является «пусковым крючком» развития фабулы и не требует никакой психологической мотивации. Эта страсть преподносится как свершившийся факт и не подвержена какому-либо развитию, что выглядит схематично и упрощенно по сравнению с утонченной саморефлексией героя в «классическом» психологическом романе в духе Флобера [14].

Вообще, апелляция к «непреодолимым страстям» (будь то к игре, к женщине, к наживе, мести или ненависти) типична для построения интриги в бульварном романе.

Главный сюжетный мотив – ожидание генералом огромного наследства после смерти «бабуленьки» – типичен для бульварного романа, равно как и два неожиданных его разрешения: театральный приезд самой «бабуленьки», настолько «ожившей», что она думает лишь о рулетке и оказывается не менее страстным игроком в душе, чем сам Алексей; далее – проигрыш ею большей части всего своего состояния.

Надо сказать, что в интригах, так или иначе, активно участвуют практически все значимые персонажи, за исключением разве что Антонида Васильевны. В то время, когда каждый из персонажей (Полина, генерал, Де-Грие, Бланш, даже Астлей) ведет какую-то свою игру, Алексей Иванович является лишь исполнителем чужой, а именно – Полининой воли. В определенный момент он понимает, что всем, даже приехавшей позже всех бабушке, все известно и ясно, и что в неведении находится лишь он один. При этом основной причиной интриги является попытка обеспечения себя денежными средствами, которые, однако, нужны всем для разных целей: если для генерала это возможность привлечь Бланш, то для Полины – возможность отомстить; Де-Грие же и Бланш интересуются исключительно деньгами ради денег. Бабушка во всех этих махинациях оказывается пассивным персонажем, который интересует окружающих как источник недостающих богатств в том или ином виде – это касается как ее семейства, так и игроков, которые обкрадывают ее на рулетке. Собственно, и конфликт весь разгорается по причине, весьма характерной для бульварного романа, а именно – из-за наследства. Получение наследства – это сюжетный ход, который весьма часто используется в жанре, и распри из-за наследства также чрезвычайно типичны для него («Женщины, игра и вино» Поля де Кока [9], «Матильда» Эжена Сю [12]).

Главная интриганка – а именно, мадемуазель Бланш – имеет весьма типичный для героини бульварного романа бэкграунд. Уже сам факт того, что она возит за собой свою мать (которая оказывается ей вовсе не родственницей), говорит о многом, напоминая о, в частности, Альбертине, актрисе из романа «Вишенка» Поля де Кока [7], возившей всюду за собой мать-суфлершу, которая частенько путала дочери все карты. При этом сама Бланш вовсе не легкомысленная гризетка, которая спускает все деньги так же легко, как получает, а, в отличие от Альбертины, весьма расчетливая особа: у нее есть свой капитал, она забирает строго определенную сумму на собственные расходы у Алексея Ивановича, а Антонида Васильевна прямо обвиняет француженку в том, что та является процентщицей [5, с. 278]. Это важное замечание. Бланш сочетает в себе два типа персонажей бульварного романа, столь редко пересекающиеся в одном герое этого жанра – тип женщины-содержанки и тип процентщика / процентщицы; если первый тип еще может иметь положительные воплощения (ср.: в «Агасфере» Эжена Сю [11] – Сефиза, она же Королева Вакханок, выбравшая путь разврата и при этом не потерявшая способность верно любить), то второй – однозначно отрицателен для бульварной литературы. Хватка Бланш, указывающая на родство с типом процентщицы, видна особенно хорошо во время ее проживания с Алексеем Ивановичем: условия, поставленные ею для совместного проживания, сумма в 100 000, даже ее милосердие, выразившееся в том, что она не давала ему подписывать векселя, – все это дает основания полагать, что преумножает свой капитал она отнюдь не в первый раз такими методами. Даже настоящее имя героини окутано тайной: перед самым бракосочетанием выясняется, что ее фамилия – Дю-Пласет, а не *de Cominges* [5, с. 310]. Вышеупомянутая разнородность среды с Бланш связана прямым образом: как дама полусвета, она собирает вокруг себя подобных Лизетт и Клеопатр [Там же, с. 304], устраивая вечеринки, на которых жестоко скупает Алексей Иванович: «На этих двух вечеринках я принужден был играть прегрлепнейшую роль хозяина, встречать и занимать разбогатевших и тупейших купчишек,

невозможных по их невежеству и бесстыдству, разных военных поручиков и жалких авторишек и журнальных козявок, которые явились в модных фраках, в палевых перчатках и с самолюбием и чванством в таких размерах, о которых даже у нас в Петербурге немислимо, – а уж это много значит сказать» [Там же]. Впрочем, не одна только Бланш создает разнородность среды: Полина, совершив грехопадение с Де-Грие и скандально компрометировав себя в обществе Алексея Ивановича, тоже начинает вызывать определенные вопросы, а положение самого рассказчика несколько маргинально: будучи человеком образованным, он оказывается практически на посылках в данном семействе.

Что же касается совпадений, то они в основном касаются игры – цепь совпадений с *zero* [Там же, с. 265] тому достаточно яркий пример. Те же совпадения, которые касаются персонажей, больше обусловлены не удачей или стечением обстоятельств, сколько уже упоминавшейся алогичностью поступков героев. Достоевский не дает более детальную и тонкую мотивацию поступкам героев, отчего у читателя создается ощущение, будто персонажи бросаются в авантюры сломя голову. Так, под вопросом все еще остается, в частности, уход к Бланш, который сложно объяснить с точки зрения психологии героя [Там же, с. 301-302].

Ближе к концу романа события происходят все быстрее и быстрее, а время начинает двигаться все более и более неравномерно, рывками. О полутора годах странствий главный герой говорит буквально в двух страницах, что чуть больше описания месяца с Бланш (в противовес тому, что весь предыдущий роман хронологически занимает гораздо меньший временной интервал), больше времени посвящая своим игорным успехам, нежели перемещениям географическим и жизненным перипетиям. Подобные лакуны весьма характерны для сюжета бульварной литературы, причем если в ряде случаев автор пропускает значительный временной промежуток из-за отсутствия важных событий, связанных с ним, то в других ситуациях лакуна образует для того, чтобы сохранить интригу и развернуть события в дальнейшем. Алексей Иванович успевает даже оказаться в тюрьме, причем, что очень характерно для героев бульварных романов, за долги, откуда его выкупает неизвестный доброжелатель, а вездесущий мистер Астлей ведет за рассказчиком слежку и оказывается в курсе всех событий жизни игрока. Сцена, разыгрывающаяся в самом финале, может быть смело причислена к одному из наиболее театральных эпизодов всего романа, причем она содержит очень важный элемент – мораль, поучение Астлея, можно сказать, отповедь в адрес Алексея Ивановича, на которого эта речь воздействует (впрочем, весьма своеобразно – от игры она его не спасает, но эффект имеет).

Театральными, яркими сценами изобилует весь роман, что приближает его к жанру бульварному; эти эпизоды можно условно поделить на две группы: скандалы (здесь же истерики) и эффектные, ошеломительные появления или выигрыши. К первым стоит причислять истерики Полины [Там же, с. 298] и собственно скандалы: уже упоминавшийся с бароном, увольнение Алексея Ивановича, обкрадывающие бабушку «помощники», ссора бабушки с генералом [Там же, с. 278] и т.д., а ко второй – появление Антонида Васильевны [Там же, с. 250, 252, 261] и потрясающие воображение проигрыши и выигрыши Алексея Ивановича и бабушки. Эти точки, щедро рассыпанные Достоевским по всему роману, позволяют повествованию быть динамичным и ярким, и весь сюжет фактически держится на этих скандалах и театральных сценах, держа читателя в напряжении. Не забыт Достоевским и такой элемент бульварного повествования, ставший почти обязательным, как дуэль; и пусть ни одна дуэль в итоге так и не состоялась, однако Алексей Иванович в начале собирается вызвать на поединок барона, а затем – Де-Грие.

Подводя итоги нашего исследования, отметим, что причиной, по которой роман «Игрок» так близок бульварной традиции, не в последнюю очередь является упрощенность его замысла, по сравнению с многомерными романами великого «пятикнижия», в связи с цейтнотом его написания. Кроме того, сама по себе фабула романа, хотя и не является столь запутанной, сколь, к примеру, является сложным любой сюжет любого из романов «пятикнижия», все же содержит интригу, заключающуюся в переплетении любовных линий, и в целом вполне типична для бульварного жанра. Тематика романа – азартные игры – также весьма близка произведениям бульварной литературы («Женщины, игра и вино» Поля де Кока). Сюжетные особенности построения романа – совпадения, скандалы и театральные сцены, интриги, насыщенность событиями на единицу текста, пропуск солидного временного промежутка, любовные многоугольники – приближают «Игрока» к бульварному жанру.

Список литературы

1. Грифцов Б. А. Теория романа. М.: Государственная академия художественных наук, 1927. 224 с.
2. Гроссман Л. П. Поэтика Достоевского // Гроссман Л. П. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Государственная академия художественных наук, 1928. Т. 2. Вып. 2. Творчество Достоевского. 188 с.
3. Джексон Р. Л. Искусство Достоевского. Бреды и ноктюрны. М.: Радикс, 1998. 288 с.
4. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1847-1917. М.: Бослен, 2015. 768 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. 405 с.
6. Кибальник С. А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб.: Петрополис, 2014. 432 с.
7. Кок П. Вишенка: в 2-х т. СПб.: Ленинградское издательство, 2008. 603 с.
8. Кок П. Горбун. СПб.: Ленинградское издательство, 2008. 256 с.
9. Кок П. Женщины, игра и вино. СПб.: Ленинградское издательство, 2008. 224 с.
10. Кок П. Молодая вдова. СПб.: Ленинградское издательство, 2008. 320 с.
11. Сю Э. Агасфер. М.: Альфа-книга, 2010. 1280 с.
12. Сю Э. Матильда. СПб.: Ленинградское издательство, 2012. 672 с.
13. Сю Э. Парижские тайны. М.: Художественная литература, 1991. 1264 с.
14. Флобер Г. Госпожа Бовари. М.: Художественная литература, 1977. 320 с.
15. Шульц С. А. «Игрок» Достоевского и «Манон Леско» Прево // Русская литература. 2004. № 3. С. 160-164.

“THE GAMBLER” BY DOSTOYEVSKY AND CHEAP LITERATURE: THE CROSS-POINTS

Krinit syn Aleksandr Borisovich, Ph. D. in Philology
Sharapova Darima Danzanovna
Lomonosov Moscow State University
derselbe@list.ru; darimasharapova@gmail.com

The article is devoted to analyzing the influence of a cheap literature genre on the novel “The Gambler” by F. M. Dostoyevsky. The authors focus on such aspects of the novel as the peculiarities of plot structure, themes and characters of the certain personages who are typical for the cheap literature genre and find the cross-points between the novel “The Gambler” and the works by Eugène Sue and Paul de Kock. Love multi-angles, intrigues, incredible coincidences, deafening winnings and shattering losses – the elements of the novel which relate “The Gambler” plot with the creative work of the cheap literature classics.

Key words and phrases: cheap literature; F. M. Dostoyevsky; cheap novel; comparative studies; comparative and historical literary criticism; “The Gambler”.

УДК 81-119

В статье рассматриваются особенности трансформации медиаконтента региональных интернет-СМИ в социальных сетях. Авторы подчеркивают, что медиаконтент группы в социальных сетях состоит из двух типов медиатекстов: соответствующих редакционному плану интернет-версии СМИ; создаваемых специально для сообщества. В качестве базы исследования используются сайты региональных медиахолдингов ГТРК «Южный Урал» и ГПЧО «ОТВ» и их группы в социальной сети «ВКонтакте».

Ключевые слова и фразы: журналистика; региональные интернет-СМИ; социальные сети; медиаконтент; медиатекст.

Лободенко Лидия Камиловна, к. пед. н., доцент
Южно-Уральский государственный университет (научно-исследовательский университет)
lobodenko74@mail.ru

Баштанар Ирина Михайловна, к. пед. н., доцент
Челябинский государственный институт культуры
irinatk@mail.ru

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРНЕТ-СМИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАКОНТЕНТА**

Стремительное развитие информационно-коммуникационных сетевых технологий кардинально повлияло на современное медиапространство, в котором социальные сети становятся главной «точкой входа» в Интернет и важным источником новостей для пользователей, формирующим информационную повестку дня, как наряду с традиционными СМИ, так и вместо них. Это происходит потому, что данный онлайн-ресурс, с одной стороны, функционирует как средство общения и распространения мнений, а с другой – обеспечивает бесплатный доступ к медиаконтенту, созданному «гражданскими» журналистами. Такие изменения на организационном и экономическом уровнях породили серьезные проблемы для дальнейшего существования региональных СМИ и потребовали развитие нового направления их деятельности, связанного не только с созданием *web*-сайта, но и распространением новостей в социальных сетях. Исследование проблемы взаимодействия региональных СМИ и социальных сетей позволило выявить недостаточную проработку данного вопроса, так как большинство работ ориентируются на изучение истории создания, развития социальных сетей или их интеграции с федеральными массмедиа (И. Я. Алекперова, Л. А. Браславец, А. Ю. Головин, О. В. Дьяченко, Д. Кирпатрик, О. В. Муронец, Г. А. Шаханов и др.) [1; 2; 5; 10; 13; 16; 25]. В настоящей работе предпринята попытка углубить научное осмысление особенностей развития социальных сетей на современном этапе и формирование в них медиаконтента региональными интернет-СМИ.

Что касается вопроса специфики функционирования социальных сетей в современных условиях, то необходимо отметить, что данный канал коммуникации, является альтернативой официальному сайту медиакомпании. При этом под социальной сетью мы предлагаем понимать совокупность людей или их групп, взаимодействие которых основано на сетевых технологиях, позволяющих пользователям свободно осуществлять все виды коммуникаций. Причем в отличие от сайта, группа в социальной сети предполагает более неформальное общение между журналистами и пользователями, кроме того приглашения в группу могут производить как ее создатели, так и ее участники.

Необходимо отметить, что современный уровень развития сетевых технологий оказывает влияние на потребление социальных медиа, насчитывающих в мировом масштабе 2,4 млрд пользователей [11, с. 51]. Среднее время, проводимое россиянами в Интернете, составляет 126 мин в сутки [12, с. 56], из них 26% времени